

— Не эта фраза, а предыдущая.

Внезапный вопрос Чжо Хуа на мгновение сбил Маленькую Черепашку с толку. Оно склонило свою круглую голову, покачало ею и пробубнило:

— Он что, содержит много людей?

Чжо Хуа впился взглядом в Цзян Яньцы, словно хотел прожечь в нем дыру. Раньше он думал, что все эти люди, крутившиеся вокруг Цзян Яньцы, сами к нему липли, и только теперь понял, что Цзян Яньцы сам разводил всю эту грязь.

Цзян Яньцы почувствовал себя крайне неуютно под таким пристальным взглядом, по спине пробежал холодок. Он осторожно спросил:

— Чжо Хуа, что... что случилось? Тебе где-то нехорошо?

Голос Чжо Хуа прозвучал холодно:

— Да, нехорошо.

Услышав это, Цзян Яньцы поспешно встал со стула, быстро подошел к нему и с беспокойством на лице спросил:

— Где именно? Голова болит или что-то еще беспокоит? Может, в больницу?

Чжо Хуа медленно поднял голову. В глубине его глаз клоилось густое отвращение, а взгляд, подобно отравленной стреле, вонзился в Цзян Яньцы.

На губах Чжо Хуа появилась холодная усмешка:

— Цзян Яньцы, у меня на душе сейчас так тяжело, хоть кричи.

Не успел он договорить, как резко вскинул руку. Раздался оглушительный хлопок — на щеке Цзян Яньцы мгновенно проступили пять красных пальцев.

Маленькая Черепашка: !!!

Лучше ему пока вернуться в дремучие леса.

Оно молча, словно воришка, улетело прочь.

Цзян Яньцы кончиком языка коснулся покрасневшей щеки, из горла вырвался низкий хриплый смешок. Он опустил глаза, скрывая вспыхнувший в них темный огонек. Когда же он снова поднял взгляд, на его губах вновь играла привычная мягкая улыбка. Его пальцы с четко очерченными суставами коснулись воспаленной кожи, а в голосе слышались то ли насмешка, то ли снисхождение:

— Полегчало? Если недостаточно... — он внезапно перехватил запястье Чжо Хуа и притянул его руку к своему лицу, — можешь ударить еще раз, я не против.

Чжо Хуа резко отдернул руку и с отвращением стряхнул пальцы:

— Псих.

Он с грохотом отодвинул тарелку, издав неприятный скрежет. Развернувшись, он пошел прочь, даже не сменив обувь — тапочки шлепали по полу.

Цзян Яньцы ловко перехватил его за запястье, его теплая ладонь сжала руку с непреклонной силой:

— Что в конце концов происходит? Может, сначала поешь, а потом будешь злиться?

— Отпусти! — Чжо Хуа резко развернулся, отчего его качнуло в сторону.

С покрасневшими глазами он вырвал руку:

— Не трогай меня, мне противно!

Заметив, что Цзян Яньцы собирается последовать за ним, он отступил на два шага:

— Не ходи за мной!

Не успев закончить, Чжо Хуа бросился к прихожей. Он грубо распахнул дверь, его шаги гулко раздались по лестнице, и через мгновение он исчез за углом, оставив приоткрытую дверь качаться на ветру со скрипучим звуком.

Чжо Хуа долго блуждал по лабиринту жилого комплекса, утренний свет дробил его тень на куски. Изможденный, он бессильно опустился на край клумбы, засаженной гортензиями. Глядя на свои домашние тапочки, он чувствовал себя все более жалко.

Оказывается, он все это время был просто глупцом, тешащим себя иллюзиями.

Значит...

С какой стати он вообще имел право идти и устраивать разборки Бай Ючуаню?

Откуда в нем тогда взялась такая самоуверенность, чтобы смотреть на Бай Ючуаня свысока?

Тот и Цзян Яньцы, по крайней мере, выбрали друг друга, а он? Он всего лишь друг детства.

От этой мысли к горлу подступил ком, и слезы градом покатались из глаз. В душе царил полный хаос, и Чжо Хуа машинально достал телефон, набрав номер Чу Ичэня.

Как только на том конце ответили, в его голосе прозвучали рыдания:

— Чу Ичэнь...

— Ты почему плачешь? Не торопись, говори медленно! Ты где сейчас? Я сейчас же приеду за тобой! — голос Чу Ичэня звучал тревожно и отчетливо.

Рев мотора прорезал тишину, черный автомобиль, подобно выпущенной стреле, пронесся вперед и резко затормозил перед Чжо Хуа. Стекло медленно опустилось, и взгляд Чу Ичэня скользнул по покрасневшим глазам Чжо Хуа, его растрепанным волосам и нелепым тапочкам.

— Наконец-то нашел тебя, — голос из телефона и голос в реальности прозвучали одновременно.

Он быстро припарковался, в три прыжка подбежал к нему и, наклонившись, принялся разглядывать Чжо Хуа:

— Как же ты до такого дошел?

Чжо Хуа, все еще с красными глазами, сердито уставился на него и спрятал телефон в карман. Чу Ичэнь ничуть не растерялся, протянул руку и взъерошил ему волосы, приговаривая, словно с ребенком:

— А, так это же котенок. Кто такой бессердечный, что бросил здесь такого послушного котенка?

Сказав это, он чуть сильнее потрепал его по голове:

— Не бойся, не бойся, пойдем со мной. Будешь жить у меня, ловить мышей.

Чжо Хуа отмахнулся от его руки, в его голосе дрожали всхлипы:

— Отвали! Держись от меня подальше!

Чу Ичэнь, глядя на его покрасневшие уши и упрямый взгляд, нашел это еще более забавным. Он намеренно понизил голос, имитируя тон, которым дразнят котиков:

— Ну что ты, котенок, почему злишься?

— Ты больной! — Чжо Хуа, разъяренный до слез, с силой толкнул его.

Чу Ичэнь нарочно пошатнулся, отступая на два шага, а когда Чжо Хуа ослабил бдительность,

внезапно наклонился, подхватил его и закинул на плечо. Чжо Хуа в панике принялся колотить его по спине, но тот лишь рассмеялся и хлопнул его по задку:

— Хватит ломаться! Хотел поехать со мной домой — так бы и сказал!

Он направился к машине, игнорируя пинки и крики человека на своем плече, и крепко прижал его беспокойные ноги:

— Успокойся, дома поскандалишь.

Затем он, словно котенка, усадил его на пассажирское сиденье и заботливо пристегнул ремнем безопасности. Заметив тапочки на ногах Чжо Хуа, Чу Ичэнь, не раздумывая, стянул их и швырнул на землю:

— Грязные совсем, не нужны они тебе.

Чжо Хуа пребывал в полном смятении, долго не в силах прийти в себя. Было какое-то странное чувство... впрочем, не передать словами.

Так Чжо Хуа и оказался дома у Чу Ичэня. Через несколько дней он обнаружил, что здесь вполне уютно.

Подумал: если так пойдет и дальше, то будет даже неплохо.

Теплый желтый свет мягким кругом разливался по ковру. Чу Ичэнь со звоном выставил несколько бутылок на стеклянный журнальный столик, пробки глухо ударились о поверхность.

— От нечего делать, может, сыграем во что-нибудь?

Чжо Хуа, листавший ленту в телефоне, поднял взгляд и небрежно ответил:

— Давай, во что именно?

Чу Ичэнь развалился на бежевом диване, постукивая пальцами по бутылке:

— Просто. Сравним числа. Проигравший либо выбирает правду или действие, либо, если не хочет отвечать, выпивает рюмку и снимает предмет одежды.

Он изогнул губы в усмешке, в глубине его темных глаз промелькнула едва заметная хитринка. Все эти дни он наблюдал, как Чжо Хуа пытается казаться невозмутимым, но на любой вопрос отвечал уклончиво. Сегодня он был намерен под хмельком добиться правды.

Чжо Хуа нахмурился, посчитав правила странными, но не желая уступать в решимости, фыркнул:

— Ладно, по рукам.

В первом раунде кости загремели в стаканчике. Чу Ичэнь поднял крышку и, вскинув бровь, усмехнулся.

— Правда, — Чу Ичэнь крутил в руках бокал и небрежно спросил: — Тогда, у клумбы, почему ты плакал?

Воздух в комнате мгновенно застыл.

<http://bllate.org/book/18787/1824511>